

Эмигрант

Рассказ

Уж как приклеилась к бедному псу эта кличка, никто в деревне не знает. Не знает и он сам, кто его так окрестил и откуда взялось это заграничное имя. Породистым он вроде бы не был да и родился от местной одноглазой дворняги Мушки, а вот, поди ж ты, — Ваучер! Ну как бы это не произошло, а звучала она довольно необычно для рыжего с нечесаным хвостом и гирляндою репейников по всему лохмотому телу пса. И он с гордостью носил ее. Деревенские Полканы да Тузики даже завидовали ему. Что-то непонятное, недоступное их собачьему разуму, вызывающее уважение, звучало в этой кличке.

И вообще он был легендарным псом. Время от времени Ваучер попадал в какие-нибудь истории, а потом деревня довольно долго обсуждала их. Одним словом, слогались целые легенды о приключениях Ваучера. У кого какие бываю в детстве игрушки, ну там — мяч, прошлогодняя косточка, а у него — перебивали в ассортименте все бутылки, которые только можно было купить в местной пивнушке. С малых ногтей, со щенячьего молочного возраста он, как погремучушки, увлекся звоном бутылки и катал их все дни напролет по замызанному двору. Эдакий вывучон и по сей день не оставил, а сохранил, развил и даже имел к ней особый интерес, и извлекал из этой привычки определенную выгоду.

Дурно пахнущие бутылки он не любил, уж больно горькое содержимое, а вот из-под газировки Ваучер облизывал, как мороженое, и даже сворачивал свой длинный язык в трубочку, стараясь проникнуть как можно дальше в емкость и выудить последние драгоценные капельки десерта. Но были еще одни бутылки, с какой-то пенной на донышке. Она шекотала нос, дурманила его собачье сознание, ему становилось беззаботно-хорошо, и он с задорным лаем начинал носиться из конца в конец деревни, нарываясь на всевозможные приключения. Именно эту тару с ласковым согревающим названием «из-под пива» и обожал Ваучер, даже пристрастился к ней, как к любимой игрушке.

Несправедливо будет не упомянуть о том, кто одаривал его ежедневно столь вкусными подарками. Личность в своем роде тоже весьма легендарная. Каков пес, как говорится, таков и хозяин. Его кормильцу и поилцу Петьке Карякину какой-то майор, уйдя в запас, в порыве

страшного загула однажды пропил, а может быть, просто подарил свое обмундирование. Петька был несказанно рад этому своему приобретению. И с того дня, не снимая даже на ночь, ходил в полной офицерской амуниции. На кителе горели майорские звезды. Деревня с пониманием относилась к необычной карякинской одежде и всегда приветствовала его, вскидывая руку к виску, как положено по военному. Участковый давно не обращал внимание на Петькины безобидные выходы, а эту воспринял даже одобрительно. Форма, по расчетам видавшего виды участкового, должна была Петьку дисциплинировать.

Ваучер знал, что в кармане хозяйских уже изрядно потрепанных брюк всегда можно было обнаружить баранку. Было ей от роду, вероятно, столько же, сколько и самому Петьке. Карякин ее никогда не ел по причине никому не известной. Может, боялся отравиться, а может быть, по причине неукусаемости. Поднесет к носу, понюхает после стопочки — и опять в карман.

С той поры, как хозяин стал носить одежду с блестящими пуговицами, Ваучер стал ощущать себя мобилизованным псом. А иногда, особенно в то время, когда Петька рыскал по деревне и искал, у кого бы опохмелиться, потому что лавка и пивнушка еще не открылись, Ваучер при таком карякинском темпе представлял, что они преследуют преступника, и тогда любовью не внушившему доверия прохожему доставалось от Ваучера сполна.

Где-нибудь к обеду, проспавшись, в помятой форме выходил на крыльцо такой же помятый Петька, и Ваучер начинал вместе с ним делать обход своих владений, помечая вслед за хозяином углы изрядно подгнившего забора. В этот момент он ощущал себя, скорее всего, пограничным псом и зорко стерег соседского изодранного еще с прошлой весны кота Тимоху, облаивал всеми, какие только познал от Карякина, по суще-

ству, выражениями и спраживал его за границу, то бишь обратно на огород к дореке Маньке, у которой не раз лакал в спрятанном за крыльцом ведре ворованное колхозное молоко. Манька эта по причине своего зловердного норова неоднократно обливала его, хоть и жирными, но все равно помоями, приговаривая при этом: «У! Буржуйская морда! Эмигрант хренов!», очевидно, намекая на его иностранную фамилию. Мухи потом, унюхав на нем остатки Манькиных разносолов, до вечера не давали ему покоя, пока он решительно не отправлялся на пруд. В общем, соседка ненавидела его всей лютой ненавистью, то ли из-за укороченного ровно на половину хвоста, то ли она вообще была за дискриминацию собачьего рода в самом ближайшем будущем.

Да и с собственной хозяйкой отношения у него как-то сразу не заладились, а теперь по причине его какого-то не совсем собачьего пристрастия все больше портילים. Она почему-то не любила все то, что обожали они с Петькой, и имела одну очень странную привычку. Нормальные люди закапывали на огороде в лунки картошку, а она, в основном под кустами смородины, причем каждый раз под разными, по непонятной для Ваучера причине бутылки с самогоном. Пес, пораскинув своим ушком, пришел к выводу, что игра у хозяев такая особая. Она прячет, а Петька потом долго ищет.

Не раз Ваучер был порот ею нещадно за то, что помогал своему хозяину, откапывая эти злосчастные бутылки в самый неподходящий момент прямо под вечно шатающиеся ноги своего дрессировщика.

Пес нес свой крест на благо Петьки и его незамысловатых желаний. Но вот однажды жизнь его дала трещину, и все пошло наперекосяк. Пороли Ваучера не раз в его собачьей жизни. Но чтобы собственный хозяин! Ведь они так ладили! И совершенно без слов, на одном невнятном мычании понимали друг друга.

Однажды Карякин, насмотревшись по «телику» каких-то забастовок, объявил

домашним голодовку в связи с непривычностью трезвого положения. Жена это положение не изменила ни на градус, и тогда возмущенный Петька залез в подпол и забил люк изнутри гвоздями, выдвинув при этом ультиматум: «Выйду, когда через воздушный канал на веревке пол-литра с огурцом спустите!». Сидел до вечера, орал: «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»!, а потом затих. Может, заснул, а может быть, просто охрип, но жена заволновалась, послала за зятем Колюней и, выставив поллитровку, махнула на него окончательно. Петька вылез из подпола и довольный победой, приговаривая: «Сама виновата», расположилась вместе с зятем под грушешкой, в беседе. Не пропадать же добру!

Показалось мало, и скорый на это дело зятек сбежал к пивнушке. Усугубили. Хорошо усугубили. С крыльца сверкала молния глаза хозяйки. Наконец, не выдержав, она двинулась на штурм. Колюня хват бутылку со стола и в сирень, за лавку. Разбросав по траве огурцы, лук и сало, она скрылась. «Гроза прошла, — заявлял Карякин, — Коляка, наливай!» Зять шупал под лавкой бутылку. Что за чертовщина, сам же ставил! Стал на четвереньки. Ну хоть бы пустая была! Начали расследование, может, кто потихоньку палочкой откатил? И тут за кустом мелькнул Ваучер с бутылкой в зубах.

— Ну это уж слишком! Это ж какая наглость — красть у собственного хозяина! Не я ли тебя холил, кормил, паршивец! Ваучер, вернись! Ваучер!

Ваучер вернулся только к вечеру. Следом за ним отыскались измученные Петька с Колюней. «Экая ты безмолвная скотина, Ваучер! Хоть намеки, куда ты задевал бутылку?» — мучил его расспросами Карякин. Ваучер только пьяно ухмылялся. Вот тут и закатил ему Петька настоящую взбучку. «Надо же, какого змея на груди своей пригрел!» — кричал он. «Надо завязывать!» — подумал Ваучер.